

Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 99—116
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 99—116
ББК 63.529(235.7)-53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.8

СЕМЬЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ: ЭТНОГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Л. В. Клименко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru

На материалах повторно-сравнительных социологических исследований, проведенных на Юге России в период с 2004 по 2020 г., рассматривается динамика этнокультурных ценностей и норм, регулирующих семейно-брачные отношения. Анализируется половозрастная иерархия в семье, гендерное разделение домашнего труда, воспроизводство норм гендерного этикета. Показано несоответствие социальных ценностей и норм в сфере семейно-брачных отношений в типологически различных субрегионах Юга России (традиционалистских, переходных и модернизированных) и разные векторы их динамики. Эмпирически верифицируется положение о том, что движущей силой деконструкции традиционного гендерного порядка в регионе остаются женщины.

Ключевые слова: семейно-брачные отношения, Юг России, половозрастная иерархия, гендерный этикет, республики Северного Кавказа, социальные ценности, гендерный порядок.

FAMILY IN THE MULTICULTURAL SPACE OF SOUTHERN RUSSIA: GENDERING ETHNOGRAPHY

L. V. Klimenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russian Federation, lucl@yandex.ru

The article aims to present the dynamics of ethnocultural values and norms regulating family and marriage relations in Southern Russia based on materials from sociological re-studies conducted from 2004 to 2020. The article discusses the results of the analysis of the gender and age hierarchy in the family, the gender division of housework, the reproduction of the gender ethno-ethics norms. The study revealed a discrepancy between societal values and norms in the field of family-marriage relations and different vectors of their dynamics in typologically different subregions of Southern Russia. As a result of the study, the authors

© Клименко Л. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270 «Социетальная динамика полиэтнического Юга России: ценностно-идентификационное измерение».

distinguish the ethno-territorial segments of the “traditionalist” type (Ingushetia, Dagestan), in which the androcentric orientations in the family are stable and are mostly shared by men and women. The surveys have revealed a difference in the gender subgroup attitudes in the “transitional” republics (Kabardino-Balkaria, Adygea) during the period under review. Women are more oriented towards the deconstruction of the traditional gender order. The trend to egalitarian family relations among both sexes is observed in relatively “modernized” subregions (Rostov Region) to a greater extent. The tendency to increase the family role of an older man (father/father-in-law) has not been sustainable. It showed a rise in the North Caucasus republics during a 2010 survey and then declined a decade later. Also, the norms of ethno-etiquette are weakening in the family sphere. Collegiality indicators in financial behavior and shopping are increasing in all ethno-territorial segments from the first to the last stages of the survey. Women continue to be the driving force behind the transformation of gender relations in the region since they are the ones who tend to redefine traditional roles in the family.

Key words: family and marriage relations, Southern Russia, gender and age hierarchy, gender ethnics, republics of the North Caucasus, societal values, gender order.

Постановка проблемы и анализ литературы

В многосоставных социумах динамические характеристики этногендерных отношений в семье выступают важнейшими маркерами процессов, происходящих в социетальной сфере [Клименко, 2016]. Передающиеся от поколения к поколению ценности и нормы семейной жизни, которые разделяются большинством представителей социальной общности, выступают одним из оснований интеграции общества. Институциональное поле семейных отношений менее подвержено модернизационным изменениям, поэтому в условиях распространения массовой культуры традиционные нормы и регуляторы воспроизводятся преимущественно в семейно-брачной сфере. Кроме того, в семье формируются и закрепляются гендерные конструкты, в которых отражаются институциональный и межличностный уровни отношений между полами.

Особенно актуален гендерный ракурс социальных трансформаций в полиэтничных регионах, так как основанием функционирования этнической культуры являются принципы межполовых отношений. В условиях поликультурного Юга России¹, в республиканском сегменте которого позиции традиционности наиболее сильны, важнейшим агентом воспроизводства культуры является семья. Здесь часто наблюдается реализация как традиционного, так и модернизационного типа социализации [Ханаху, 2001], а также обнаруживаются тенденции архаизации семейных отношений [Клименко, 2013; Антонова и др., 2015].

Большинство современных государств являются полиэтническими. В исследовательской литературе долгое время доминировала идея о том, что этнокультурное разнообразие в конечном итоге будет исчезать в результате процесса глобализации [Berry, 2008, 2011; Westlake, 2018]. Однако практика

¹ В нашей стране особым разнообразием этнокультурного состава населения отличается Юг России, на территории которого расположены Южный и Северо-Кавказский федеральные округа (включающие 13 субъектов РФ, 8 из которых обладают статусом республики).

социокультурного развития многих современных обществ актуализирует проблемы воспроизводства этнических и региональных отличий [Paasi, 2010, 2011].

Этногендерным измерением семейных отношений в многосоставных социумах занимаются американские исследователи. В фокусе их внимания находится множество тем: полоролевые функции в воспитании детей в различных этнических общностях [Barnett et al., 2016], влияние этнокультурных установок на семейное воспитание [Gonzalez, Méndez-Pounds, 2018], поколенческие отличия в ценностях мексикано-американских семей [Pei, Cong, 2016], испаноязычных групп [Gennetian et al., 2019]. Достаточно много исследований посвящено анализу семейного взаимодействия [Lei, South, 2016; Dollar, 2017; Qian, Lichter, 2011], социализации детей в расово-этнических общностях Северной Америки [Malcarne et al., 2005].

Можно отметить, что при сравнении семейной интеграции европейских и мексиканских мужчин и женщин фиксируется большая значимость фактора социокультурной принадлежности, чем этнокультурной. Вместе с тем установлено, что американцы мексиканского происхождения демонстрируют более высокие показатели родства и близости, но более низкие показатели финансовой поддержки по сравнению с евроамериканцами. Два дополнительных различия существуют только между женщинами: мексиканские женщины чаще, чем евроамериканские, оказывают помощь по дому или по уходу за ребенком [Sarkisian et al., 2007].

Особенности семейных отношений в этнически различных средах и вопросы интеграции их представителей в британское общество анализируются английскими учеными. Например, рассматриваются этнические модели брачных отношений южноазиатских женщин [Bhopal, 1999], этногендерные аспекты финансового поведения в семье [Warren, 2006], соотношение традиционных и современных ценностей в сознании индуистских женщин [Firth, 1999], проводятся кросс-культурные исследования социализации молодежи из итальянских семей в Великобритании и Италии [Zontini, 2010].

Интересны исследования влияния внутрисемейного разделения труда, межпоколенных связей и образования женщин в Китае на их возможности принимать решения [Cheng, 2019; Chien, Yi, 2014]. Во многих китайских семьях на современном этапе жизнь продолжает регулироваться этнокультурными традициями. Типичная семья в традиционном Китае — это патрилокальное расширенное домашнее хозяйство, где сыновья и их жены берут на себя основную ответственность по уходу за пожилыми людьми, тогда как дочери живут в семьях своих мужей и ухаживают за их родственниками [Cong, Silverstein, 2008]. Быстрое старение китайского населения и недостаточный уровень социального обеспечения служат основанием воспроизводства данной традиции. Результаты исследований также показывают, что женщины, состоящие в браке и обладающие более высоким уровнем образования, оказывают значительное влияние на принятие решений в нуклеарной семье. Однако в домохозяйствах с несколькими поколениями более высокий уровень образования женщин не определяет их статусные позиции в семье [Cheng, 2019].

В российской науке изучением семейно-брачных и гендерных отношений занимается множество исследователей. Обозначим здесь лишь основные области

анализа семьи и гендера в условиях полиэтнического Юга России: символическое пространство гендерного взаимодействия в культуре народов Северного Кавказа [Карпов, 2013; Антонова и др., 2015; Шаожева, 2012], трансформация гендерного статуса северокавказских женщин [Костерина, 2015; Аккиева, 2012; Тыкова, 2006], модификация семейных отношений [Верещагина, 2014; Клименко, 2013; Загирова, 2017; Безрукова, Калашова, 2016; Стародубровская, 2019], гендерная политика и проблемы гендерного равенства в полиэтническом регионе [Сиражудинова, 2013; Шоранова, 2010], обряды похищения и проблемы насилия в северокавказских семьях [Махмудова, 2019; Плиев, Бабич, 2019; Сиражудинова, 2017; Костерина, 2015].

В данных исследованиях показывается, что народы Северного Кавказа продолжают воспроизводить традиционные регуляторы семейно-брачных отношений. Для множества современных северокавказских семей характерна ролевая асимметрия с мужчиной во главе рода и семьи, многодетность, межполовое разделение труда. В то же время женщины во многих случаях ориентированы на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере [Шоранова, 2010; Клименко, 2016]. Однако коррелятом закрепления гендерной сегрегации выступает фактор исламизации республиканского сегмента Юга России [Сиражудинова, 2012; Стародубровская, 2019].

В результате модернизация социально-экономической жизни, как правило, сопряжена с разрушением традиционных принципов конструирования семьи и гендера. Однако в ряде многосоставных сообществ наблюдаются обратные тенденции возрождения этнических традиций в этой сфере, что зачастую усложняет социетальную интеграцию полиэтнических сообществ на основе универсалистских ценностей.

Эмпирической базой исследования выступают результаты повторно-сравнительных социологических исследований, проведенных в разных по типу субрегионах Юга России².

Использовался метод стандартизированного опроса. В 2004 г. было опрошено 334 человека в Карачаево-Черкесской Республике (в таблицах и рисунках — КЧР), 270 — в Республике Ингушетия (РИ), 276 человек — в Ростовской области (РО).

В 2010 г. в исследовании приняли участие 300 человек в Республике Адыгея (РА), 300 — в Республике Ингушетия, 262 — в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), 300 — в Ростовской области.

² На Юге России можно выделить следующие территориальные сегменты: 1) субрегионы с преобладающим русскоязычным населением, относительно развитой экономикой, урбанизированным населением, которое разделяет модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край); 2) республики Северного Кавказа, переходящие с традиционного на индустриальный уровень социально-экономического развития (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания); 3) республики с преобладающей традиционной культурой, с демодернизированной экономикой (Ингушетия, Чечня, Дагестан). Можно увидеть близость социокультурных процессов в субрегионах одной типологической группы, что позволяет сравнивать различные территориальные субъекты Юга России.

В 2020 г. был опрошен 331 человек в Республике Адыгея, 420 — в Республике Дагестан (РД), 373 — в Кабардино-Балкарской Республике, 407 — в Ростовской области.

Опрос проводился среди населения столиц республик и областных центров. Выборка квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Семейное лидерство и гендерное разделение труда

Традиционный гендерный порядок коренных этносов республик Северного Кавказа характеризовался доминированием старшего мужчины в семье, половозрастным разделением труда, обычаями избегания, исключением женщин из публичной жизни, ограничением их имущественных прав. В советское время женщины активно вовлекались в производственную деятельность, расширенная патриархальная семья вытеснялась нуклеарной, размывались обычаи гендерного этноэтикета. Но, несмотря на ослабление традиционных норм в публично-трудовой сфере, в области семейно-брачных отношений во многом продолжала воспроизводиться гендерная иерархия. В постсоветское время на фоне процессов суверенизации республик Северного Кавказа и усиления религиозных традиций происходит очередной этап модификации модели гендерного взаимодействия. Рассмотрим результаты социологических исследований, которые характеризуют динамику гендерных трансформаций в семье за период с 2004 по 2020 г. Эмпирическими индикаторами анализа выступают следующие показатели: гендерная иерархия в семье, межполовое разделение домашнего труда, нормы гендерного этноэтикета.

Результаты повторно-сравнительных социологических исследований показывают, что за указанный период большинство опрошенных мужчин Юга России оценивают свой статус в семье как лидирующий (от 53 до 84 %). Тогда как женщины более склонны оспаривать традиционный гендерный дисплей. Наиболее часто установки на эгалитарные отношения в семье ожидаемо демонстрируют жительницы Ростовской области, и их число растет от первого к последнему этапу исследования (с 15 до 25 %). Доля мужчин этого субрегиона, разделяющих подобные установки, также увеличивается — с 5 % в 2004 г. до 16 % в 2020 г. (рис. 1).

Чаще всего андроцентрические ориентации в семье демонстрируют мужчины и женщины республик «традиционной» группы — Ингушетии (2004 г.) и Дагестана (2020 г.). Во время опроса 2010 г. была отмечена тенденция возрастания роли старшего мужчины в семье (отца/свекра) в Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Адыгее (от 32 до 43 % опрошенных). Исследования 2020 г. показывают снижение количества указаний на патриархальную модель семьи в республиках «переходного» типа — Кабардино-Балкарской Республике и Республике Адыгея (от 22 до 36 %). И за последние 10 лет более выраженная разница в ответах мужчин и женщин относительно статуса мужа в семье наблюдается среди жителей Кабардино-Балкарии и Ростовской области (рис. 1).

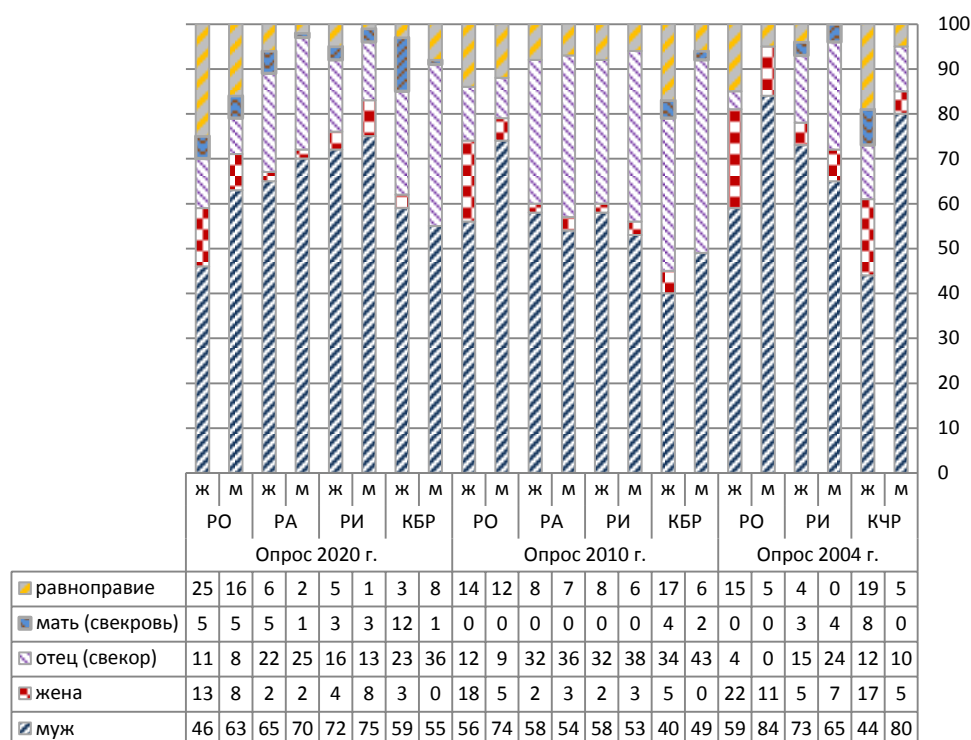

Рис. 1. Ответы на вопрос «Кто глава Вашей семьи?», %

В рейтинге приоритетов, определяющих роль главы семьи, жители Юга России чаще всего отмечают аскриптивные характеристики. В таких республиках, как Ингушетия, Дагестан и Адыгея, от первого к последнему этапу исследования сохраняется ориентация в первую очередь на пол и потом на возраст как основания лидерства в семье. Вместе с тем фиксируется разница в ответах гендерных подгрупп: женщины склонны оспаривать традиционные аскриптивные статусы. Они чаще указывают на силу характера и материальные ресурсы как факторы обеспечения семейного главенства. В Ростовской области мнения мужчин и женщин по этому вопросу наиболее близки, они в половине случаев указывают на силу характера, а затем на уровень заработка (рис. 2).

Результаты повторно-сравнительных исследований относительно внутрисемейного разделения труда показывают, что приготовлением пищи, стиркой, уборкой, глаженьем традиционно занимаются преимущественно женщины. На этом фоне наибольшая степень выраженности гендерного разделения труда проявляется в «традиционалистских» республиках (Республика Ингушетия, Республика Дагестан), далее по убыванию — в республиках «переходного» типа (Кабардино-Балкарская Республика, Республика Адыгея), и больше всего указаний на эгалитарное распределение семейных обязанностей отмечается в Ростовской области.

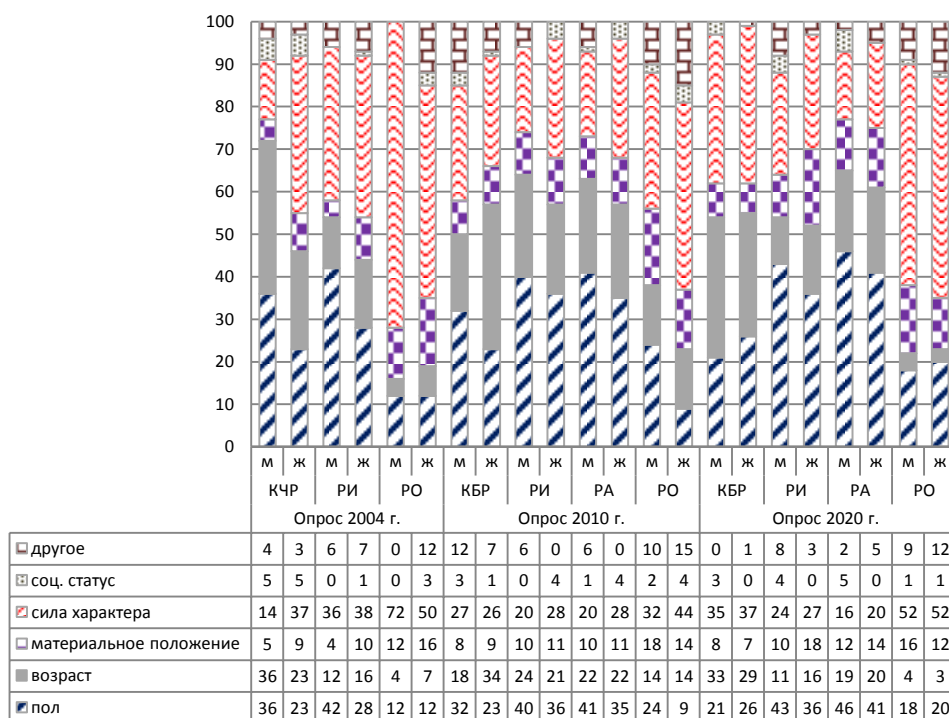

Рис. 2. Ответы на вопрос «Чем определяется роль главы семьи?», %

Воспитанием детей примерно в половине случаев занимается жена, однако с 2004 по 2020 г. во всех территориальных группах (кроме Кабардино-Балкарии) растет число указаний на то, что в воспитании детей принимают участие все члены семьи. В данный период в северокавказских республиках наблюдается увеличение участия мужа в зарабатывании денег, но в то же время растет и число указаний на то, что все члены семьи участвуют в зарабатывании денег и управлении семейным бюджетом (кроме Кабардино-Балкарской Республики). В Ростовской области на современном этапе большинство ответов маркируют равное участие в материальном обеспечении семьи (табл. 1).

Анализ финансового поведения в семье в разрезе гендерных подгрупп показывает, что принятие решений о покупке недорогих вещей в 2004 и в 2010 г. в северокавказских республиках принималось преимущественно женами. Хотя на втором этапе исследования возросло участие старшей женщины в семье (мать/свекровь) в принятии подобных решений. В Ростовской области чаще отмечалось участие в этом детей и всех членов семьи. Опросы в 2020 г. показали ориентацию на рост коллегиальности в принятии решений о покупке недорогих вещей (табл. 2).

От первого к третьему этапу исследования повышается участие всех членов семьи в принятии решения о совершении дорогих приобретений. При этом главная роль старшей женщины (мать/свекровь), возросшая в опросе 2010 г., опять снизилась до показателей 2004 г. На разных этапах исследования остается выраженной разница в ответах гендерных подгрупп, представители которых

чаще приписывают себе определяющую роль в принятии решений. На современном этапе особенно заметна разница в ответах мужчин и женщин в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Ростовской области (табл. 2).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Кто в Вашей семье преимущественно занимается следующими делами?», %

Ответ	2004 г.			2010 г.				2020 г.			
	КЧР	РИ	РО	КБР	РИ	РА	РО	КБР	РД	РА	РО
<i>Воспитание детей</i>											
Муж	26	24	15	2	13	13	17	8	10	13	8
Жена	44	49	39	24	57	57	38	52	50	35	33
Отец (свекор)	4	4	3	17	1	1	4	3	1	1	2
Мать (свекровь)	8	12	4	10	15	15	6	6	7	8	9
Дети	4	1	–	–	1	1	1	–	1	–	–
Все члены семьи	15	12	39	48	14	14	35	31	32	43	49
<i>Зарабатывание денег</i>											
Муж	48	52	39	27	43	43	51	57	61	50	37
Жена	29	30	16	3	20	20	9	7	7	5	8
Отец (свекор)	2	5	3	9	5	5	4	2	3	7	3
Мать (свекровь)	2	2	5	2	7	7	2	0	1	3	4
Дети	5	2	30	4	5	5	2	1	–	–	–
Все члены семьи	15	8	41	55	19	19	33	33	28	35	47
<i>Управление бюджетом</i>											
Муж	48	52	39	20	38	38	40	41	36	32	36
Жена	29	30	16	19	33	33	32	23	37	28	28
Отец (свекор)	2	5	3	22	8	8	4	6	8	4	3
Мать (свекровь)	2	2	5	12	13	13	6	6	3	11	8
Дети	5	2	30	–	1	1	1	1	–	–	–
Все члены семьи	15	8	41	27	9	9	18	23	17	25	25

Немного ослабленные позиции мужа в северокавказской семье, которые фиксировались на втором этапе опроса, за счет роста патриархальных традиций к 2020 г. восстанавливаются в отношении того, кому принадлежит решающее слово в семье. Но женщины продолжают оспаривать традиционный гендерный дисплей, что на современном этапе заметно среди адыгских и донских женщин. Последние в пятой доли случаев приписывают себе лидерство в семье. В Адыгее и Ростовской области наиболее высоки также показатели эгалитаризма в семье (от 18 до 24 % опрошенных) (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», %

Ответ	2004 г.						2010 г.						2020 г.									
	КЧР		РИ		РО		КБР		РИ		РА		РО		КБР		РД		РА		РО	
<i>Покупка недорогих вещей</i>																						
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Муж	16	2	15	1	22	5	7	6	9	13	9	12	25	7	8	6	8	4	16	6	11	7
Жена	39	60	66	63	26	46	19	34	49	51	50	52	16	32	22	28	36	48	26	34	23	42
Отец (свекор)	–	–	–	–	–	–	7	1	3	3	3	3	2	2	2	1	–	–	4	4	1	2
Мать (свекровь)	–	5	2	11	–	5	13	7	17	15	18	15	2	1	1	2	4	3	1	4	7	3
Дети	31	17	–	11	30	25	26	25	9	8	9	7	41	33	33	36	24	31	15	23	28	23
Все члены семьи	15	17	17	14	22	21	28	27	13	10	11	11	14	25	33	28	29	14	38	29	30	24
<i>Покупка дорогих вещей</i>																						
Муж	25	24	45	29	18	4	18	7	9	16	22	16	26	16	30	18	19	23	25	18	28	17
Жена	25	24	24	30	18	28	6	12	49	31	22	30	12	16	6	13	20	14	14	9	5	20
Отец (свекор)	–	–	2	4	–	–	24	5	3	4	6	4	6	1	1	2	4	2	4	5	6	1
Мать (свекровь)	6	4	8	5	–	–	–	3	17	13	14	13	2	6	–	1	–	4	1	5	3	6
Дети	25	23	12	21	55	41	34	34	9	23	19	23	43	41	31	34	34	40	17	25	30	35
Все члены семьи	19	24	10	12	9	26	18	39	13	13	17	14	11	20	32	33	24	18	40	39	29	21
<i>За кем остается последнее слово</i>																						
Муж	78	40	69	55	61	24	46	33	51	46	53	46	54	37	59	61	66	55	56	41	50	26
Жена	11	32	16	15	4	37	–	3	5	18	5	18	11	21	2	6	6	8	5	9	6	22
Отец (свекор)	–	11	7	13	–	2	29	23	15	16	13	17	8	3	19	8	12	9	7	13	5	5
Мать (свекровь)	–	5	9	5	–	–	–	3	5	7	5	7	2	3	4	4	3	4	2	4	5	5
Дети	6	8	–	10	26	22	9	21	10	7	11	6	18	24	11	15	2	21	6	14	15	25
Все члены семьи	6	5	–	3	9	15	16	17	14	6	13	6	7	12	5	7	12	3	24	20	19	18

Семейно-брачные традиции и нормы этногендерного этикета

Для традиционных культур характерна ведущая роль родителей при выборе брачного партнера для детей. На всех этапах исследования во всех территориальных сегментах Юга России доминирует установка на вступление в брак по собственному желанию с учетом мнения родителей. От опроса 2004 г. к опросу 2010 г. в северокавказских республиках усиливались ориентации на заключение брака по воле родителей. На современном этапе наибольшее распространение «традиционной» модели выбора брачного партнера фиксируется в Дагестане. Тогда как в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Ростовской области растут показатели вступления в брак по собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей (табл. 3).

Таблица 3

Ответ на вопрос «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо вступать в брак и как это произошло в Вашем случае?», %

Ответ	2004 г.			2010 г.				2020 г.			
	КЧР	РИ	РО	КБР	РИ	РА	РО	КБР	РД	РА	РО
<i>По воле родителей</i>											
Необходимо	15	12	–	7	30	28	11	7	17	16	4
В реальности	16	13	2	11	31	32	16	10	24	3	8
<i>По собственному желанию, учитывая мнение родителей</i>											
Необходимо	79	80	75	87	67	68	57	81	73	70	67
В реальности	51	80	64	63	64	63	46	68	60	68	47
<i>По собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей</i>											
Необходимо	7	8	25	6	3	4	32	12	10	13	29
В реальности	33	8	35	26	5	6	37	22	17	29	45

Помимо гендерного разделения труда и ограничения активности женщин семейной сферой, асимметрия гендерных статусов в традиционной культуре отражалась и поддерживалась также через нормы этноэтикета. Одним из компонентов этнических культур народов Северного Кавказа являются обычаи избегания, когда за одним столом не могли находиться женщины и мужчины, а также младшие и старшие по возрасту и статусу в семейной иерархии.

Результаты разных этапов опроса показывают, что традиция раздельной трапезы жены и мужа уже не поддерживается (от 85 до 98 %). Однако если в доме находится свекор или тесть, то в этом случае этногендерный этикет воспроизводится чаще. Пиковые значения показателя соблюдения этого обычая фиксировались во время опроса 2010 г. в Ингушетии и Адыгее.

На современном этапе данные показатели в Кабардино-Балкарии и Дагестане существенно ниже, тогда как в Адыгее эта норма продолжает воспроизводиться в двух третьих семей (рис. 3).

В большинстве случаев уже не поддерживается запрет на то, чтобы жены сидели за одним столом вместе с другими родственниками (только в Адыгее эту норму воспроизводят 44 % опрошенных). Участие жены в семейном застолье при посторонних сильнее ограничивается в северокавказских республиках, и показатели запрета в этом случае в Кабардино-Балкарии и Дагестане самые высокие в сравнении с показателями других норм этнотикета (рис. 3).

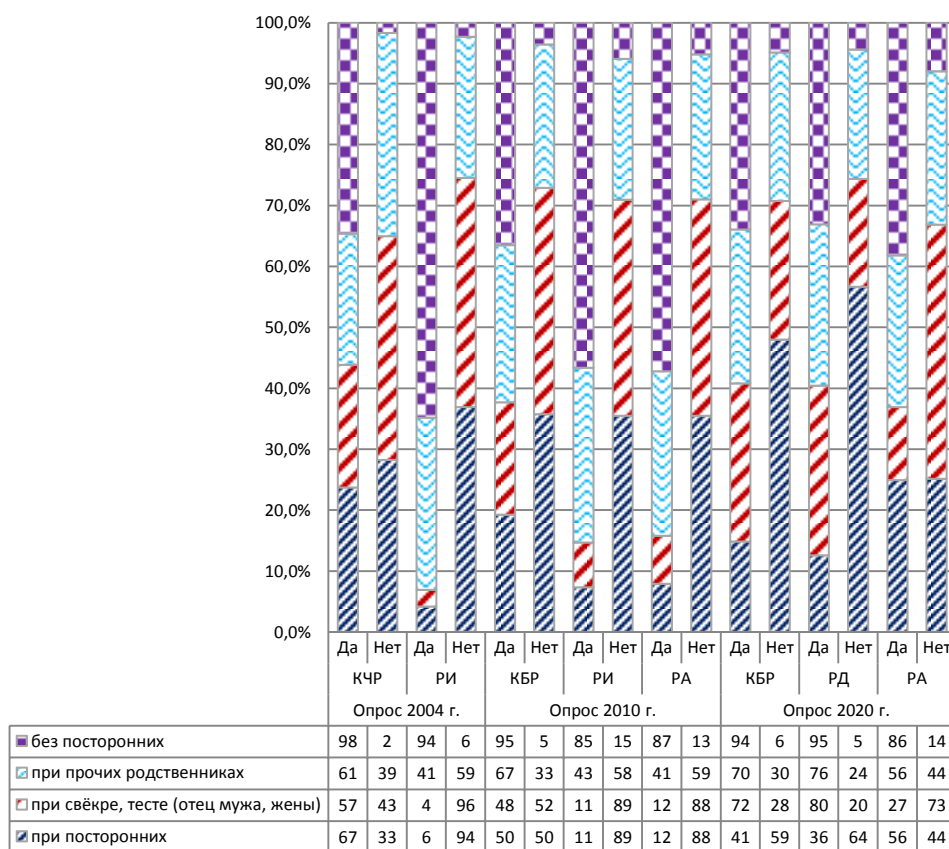

Рис. 3. Ответы на вопрос «Сидит ли в Вашей семье жена за общим столом во время обеда (завтрака, ужина) в следующих ситуациях?»

На втором и третьем этапах были введены дополнительные вопросы касательно воспроизводства гендерных норм социализации. Эмпирические замеры выявляют тенденцию уменьшения гендерного разделения труда при воспитании детей и ослабление традиции женитьбы/замужества братьев/сестер по старшинству (рис. 4).

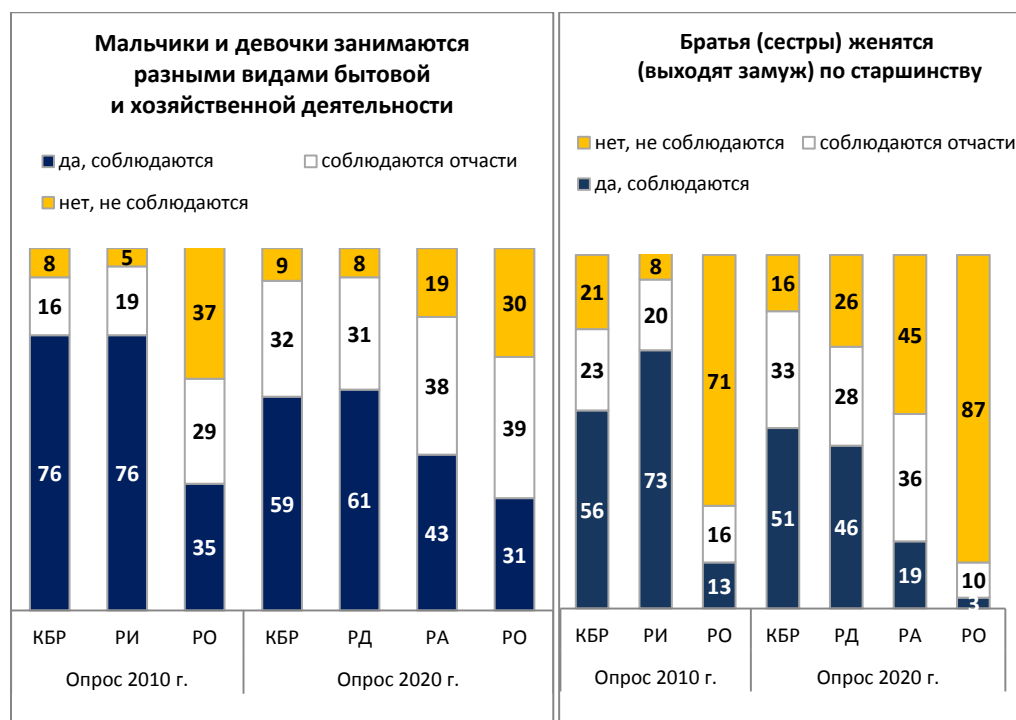

Рис. 4. Ответ на вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье следующие нормы поведения?», %

Выводы

Провозглашаемая в официальных стратегических документах инновационная, опережающая перспектива развития социально-экономической платформы российского общества сопряжена не только с модернизацией технологической основы экономики, но и с реорганизацией социальных отношений. Ведь привнесение новых экономических драйверов и социальных инициатив в традиционалистскую и культурно сегментированную среду, как правило, приводит к низкой эффективности этих инициатив и дисфункциональным последствиям [Fonseca et al., 2019; Janmaat, 2011; Delhey et al., 2018]. В то же время гендер как всепроникающий статус, отражающий уровень и межличностных отношений, и институционального воспроизводства является ярким индикатором социальных трансформаций, которые могут оказывать сильнейшее интенсифицирующее или инерционное влияние на социально-экономическое развитие.

Обобщение результатов повторно-прикладных исследований позволяет обосновать воспроизводство на Юге России трех социокультурных типов гендерного взаимодействия с разным вектором динамики — традиционного (консервативного), переходного и модернизированного. Критериями выделения этих типов выступает содержание гендерных установок (степень выраженности традиционалистских либо модернизированных ориентаций) и совпадение (несовпадение) данных установок в гендерных подгруппах. Выделяются этнотерриториальные сегменты «традиционалистского» типа (Ингушетия, Дагестан), в которых

устойчивыми являются андроцентрические ориентации в семье, разделяемые большей частью мужчин и женщин. В республиках переходного типа (Кабардино-Балкария, Адыгея) на протяжении рассматриваемого периода проявляется разница в установках гендерных подгрупп: нередко женщины ориентированы на деконструкцию традиционного гендерного порядка. В относительно «модернизированных» субрегионах (Ростовская область) наблюдается наибольшая степень эгалитаризации семейных отношений.

Эмпирические замеры показывают, что не оказалась устойчивой тенденция роста роли старшего мужчины (отца/свекра) в семье, которая наблюдалась в северокавказских республиках во время опроса 2010 г., десятилетие спустя его роль снова снизилась. Ослабляются нормы этноэтикета в семейной сфере. Во всех этнотерриториальных сегментах от первого к последнему этапу опроса повышаются показатели коллегальности в финансовом поведении и совершении покупок. Женщины в анализируемых этнотерриториальных сегментах чаще склонны пересматривать традиционные роли в семье. В этой связи можно утверждать, что движущей силой модернизации гендерных отношений на Юге России являются женщины. Поэтому дальнейшее продвижение по пути эгалитаризации гендерного взаимодействия сопряжено с расширением их жизненных сценариев, связанных с получением высшего образования и профессиональной карьерой; активизацией общественной дискуссии по вопросам, ранее относившимся только к сфере частной жизни (распределение семейной власти, домашнее насилие, разводы, аборты, сексуальные отношения и пр.). Необходимо также сделать гендерный анализ комплексным и отслеживать динамику гендерных установок в публичной области социально-экономической и общественной активности.

Библиографический список

- Акжиева С. И. Женщины Северного Кавказа в изменяющихся условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 247—250.
- Антонова Н. В., Виноградова Н. Л., Леонтьева Е. Ю., Серебрянская В. Н., Клименко Л. В. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона. Волгоград: Изд-во учеб. и науч. лит. Волгоград. гос. тех. ун-та, 2015. 156 с.
- Безрукова А. А., Калашаова Д. А. Социокультурные трансформации в современной адыгской семье // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. Вып. 2. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtsu/2016-02/018.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).
- Верещагина А. В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3. С. 47—59.
- Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 298—303.
- Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2013. 408 с.

- Клименко Л. В.* Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 1. С. 20—31.
- Клименко Л. В.* Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2016. 369 с.
- Костерина И.* Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе: (отчет по результатам исследования). 2015. URL: <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya> (дата обращения: 22.01.2019).
- Махмудова М. М., Королева А. М., Махмудова Д. М.* Похищение невесты — обычай или вызов времени? // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 1. С. 121—132.
- Плиев А. А., Бабич И. Л.* Женщина как объект и субъект в традиционной брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1870—1970-е гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 113—125.
- Сиражудинова С. В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д: АзовПечать, 2012. 200 с.
- Сиражудинова С. В.* Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 1. С. 14—19.
- Сиражудинова С. В.* «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 26—35.
- Стародубровская И. В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Тыкова А. А.* Эволюция социального статуса женщин в обществе: гендерный подход. Майкоп: Майкоп. гос. технол. ун-т, 2006. 126 с.
- Ханаху Р. А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени: (социально-философский анализ). 2-е изд. Ростов н/Д: Аякс, 2001. 190 с.
- Шоажева Н. А.* К вопросу о социодинамике традиционных гендерных стереотипов у народов Северного Кавказа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики*. 2012. № 10, ч. 2. С. 218—220.
- Шоранова З. В.* Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 22 с.
- Barnett M. A., Mortensen J. A., Gonzalez H.* Grandmother involvement in Mexican American families // *Journal of Family*. 2016. Vol. 37, iss. 14. P. 1945—1967.
- Berry J. W.* Globalisation and acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32, № 4. P. 328—336.
- Berry J. W.* Integration and multiculturalism: ways towards social solidarity // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20, iss. 1. P. 2.1—2.21.
- Bhopal K.* South Asian women and arranged marriages in East London // *Ethnicity, Gender and Social Change* / ed. by R. Barot, H. Bradley, S. Fenton. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 89—101.
- Cheng C.* Women's education, intergenerational coresidence, and household decision-making in China // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, iss. 1. P. 117—134.
- Chien W.-Y., Yi Ch.-Ch.* Marital power structure in two Chinese societies: measurement and mechanisms // *Journal of Comparative Family Studies*. 2014. Vol. 45, iss. 1. P. 93—111.

- Cong Z., Silverstein M. Intergenerational support and depression among elders in rural China: do daughters-in-law matter? // *Journal of Marriage and Family*. 2008. Vol. 70, iss. 3. P. 599—612.
- Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignacz Z., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: a comparison of Western and Asian societies // *Comparative Sociology*. 2018. Vol. 17, iss. 3—4. P. 426—455.
- Dollar C. B. Sex ratios, single motherhood, and gendered structural relations: examining female-headed families across racial-ethnic populations // *Sociological Focus*. 2017. Vol. 50, iss. 4. P. 375—390.
- Firth S. Hindu widows in Britain: continuity and change // *Ethnicity, Gender and Social Change* / ed. by R. Barot, H. Bradley, S. Fenton. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 99—113.
- Fonseca X., Lukosch S., Brazier F. Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it // *Innovation: the European Journal of Social Science Research*. 2019. Vol. 32, iss. 2. P. 231—253.
- Gennetian L. A., Rodrigues C., Hill H. D., Morris P. A. Income level and volatility by children's race and Hispanic ethnicity // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, iss. 1. P. 204—229.
- Gonzalez N., Méndez-Pounds J. The impact of acculturation and cultural values on Hispanic immigrants' parenting // *Contemporary Family Therapy*. 2018. Vol. 40, iss. 1. P. 56—67.
- Janmaat J. G. Social cohesion as a real-life phenomenon: assessing the explanatory power of the universalist and particularist perspectives // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 100, iss. 1. P. 61—83.
- Lei L., South S. Racial and ethnic differences in leaving and returning to the parental home // *Demographic Research*. 2016. Vol. 34. P. 109—142.
- Malcarne V. L., Drahota A., Hamilton N. A. Children's health-related locus of control beliefs: ethnicity, gender, and family income // *Children's Health Care*. 2005. Vol. 34, iss. 1. P. 47—59.
- Paasi A. Regions are social constructs, but who or what constructs' them?: agency in question // *Environment and Planning A*. 2010. Vol. 42, iss. 10. P. 2296—2301.
- Paasi A. The region, identity, and power // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 14. P. 9—16.
- Pei Y., Cong Z. Intergenerational ambivalence among Mexican American families // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25, iss. 3. P. 305—318.
- Qian Z., Lichter D. T. Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society // *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73, iss. 5. P. 1065—1084.
- Sarkisian N., Gerena M., Gerstel N. Extended family integration among Euro and Mexican Americans: ethnicity, gender, and class // *Journal of Marriage and Family*. 2007. Vol. 69, iss. 1. P. 40—54.
- Warren T. Moving beyond the gender wealth gap: on gender, class, ethnicity, and wealth inequalities in the United Kingdom // *Feminist Economics*. 2006. Vol. 12, iss. 1—2. P. 195—219.
- Westlake D. Multiculturalism, political parties, and the conflicting pressures of ethnic minorities and far-right parties // *Party Politics*. 2018. Vol. 24, iss. 4. P. 421—433.
- Zontini E. Enabling and constraining aspects of social capital in migrant families: ethnicity, gender and generation // *Ethnic and Racial Studies*. 2010. Vol. 33, iss. 5. P. 816—831.

References

- Akkieva, S. I. (2012) Zhenshchiny Severnogo Kavkaza v izmeniaiushchikhsia usloviakh [Women of the North Caucasus in a changing environment], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 5, pp. 247—250.
- Antonova, N. V., Vinogradova, N. L., Leont'eva, E. Iu., Serebrianskaia, V. N., Klimenko, L. V. (2015) *Gendernye reprezentatsii v situatsii étnokul'turnogo mnogoobrazii iuzhnorossiiskogo regiona* [Gender representations in the situation of ethnocultural diversity of the South Russian region], Volgograd: Izdatel'stvo uchebnoï i nauchnoï literatury Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Barnett, M. A., Mortensen, J. A., Gonzalez, H. (2016) Grandmother involvement in Mexican American families, *Journal of Family*, vol. 37, iss. 14, pp. 1245—1264.
- Berry, J. W. (2008) Globalisation and acculturation, *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 32, iss. 4, pp. 328—336.
- Berry, J. W. (2011) Integration and multiculturalism: ways towards social solidarity, *Papers on Social Representations*, vol. 20, iss. 1, pp. 2.1—2.21.
- Bezrukova, A. A., Kalashaova, D. A. (2016) Sotsiokul'turnye transformatsii v sovremennoï adygskoi sem'e [Sociocultural transformations in the modern Adyghe family], *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, iss. 2, available from <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2016-02/018.pdf> (accessed 10.02.2020).
- Bhopal, K. (1999) South Asian women and arranged marriages in East London, in: Barot, R., Bradley, H., Fenton, S. (eds), *Ethnicity, Gender and Social Change*, London: Palgrave Macmillan, pp. 89—101.
- Cheng, C. (2019) Women's education, intergenerational coresidence, and household decision-making in China, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, iss. 1, pp. 117—134.
- Chien, W., Yi, Ch.-Ch. (2014) Marital power structure in two Chinese societies: measurement and mechanisms, *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 45, iss. 1, pp. 93—111.
- Cong, Z., Silverstein, M. (2008) Intergenerational support and depression among elders in rural China: Do daughters-in-law matter?, *Journal of Marriage and Family*, vol. 70, iss. 3, pp. 599—612.
- Delhey, J., Boehnke, K., Dragolov, G., Ignacz, Z., Larsen, M., Lorenz, J., Koch, M. (2018) Social cohesion and its correlates: a comparison of Western and Asian societies, *Comparative Sociology*, vol. 17, iss. 3—4, pp. 426—455.
- Dollar, C. B. (2017) Sex ratios, single motherhood, and gendered structural relations: examining female-headed families across racial-ethnic populations, *Sociological Focus*, vol. 50, iss. 4, pp. 375—390.
- Firth, S. (1999) Hindu widows in Britain: continuity and change, in: Barot, R., Bradley, H., Fenton, S. (eds), *Ethnicity, Gender and Social Change*, London: Palgrave Macmillan, pp. 99—113.
- Fonseca, X., Lukosch, S., Brazier, F. (2019) Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 32, iss. 2, pp. 231—253.
- Gennetian, L. A., Rodrigues, C., Hill, H. D., Morris, P. A. (2019) Income level and volatility by children's race and Hispanic ethnicity, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, iss. 1, pp. 204—229.
- Gonzalez, N., Méndez-Pounds, J. (2018) The impact of acculturation and cultural values on Hispanic immigrants' parenting, *Contemporary Family Therapy*, vol. 40, iss. 1, pp. 56—67.
- Janmaat, J. G. (2011) Social cohesion as a real-life phenomenon: assessing the explanatory power of the universalist and particularist perspectives, *Social Indicators Research*, vol. 100, iss. 1, pp. 61—83.

- Karpov, Iu. Iu. (2013) *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus], Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotliarovykh.
- Khanakhu, R. A. (2001) *Traditsionnaia kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni: (Sotsial'no-filosofskii analiz)* [Traditional culture of the North Caucasus: challenges of the time: (Socio-philosophical analysis)], 2nd ed., Rostov-on-Don: Aiaks.
- Klimenko, L. V. (2013) Gendernye dispozitsii v sovremennoi severokavkazskoi sem'e: modernizatsiia ili arkhazatsiia [Gender dispositions in the modern North Caucasian family: modernization or archaization], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—31.
- Klimenko, L. V. (2016) *Dinamika sotsietal'noi sfery Iuga Rossii: sotsiokul'turnoe izmerenie: Avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Dynamics of the societal sphere of the South of Russia: sociocultural dimension: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Maykop.
- Kosterina, I. (2015) *Zhizn' i polozhenie zhenshchin na Severnom Kavkaze: (Otchet po rezul'tatam issledovaniia)* [Life and status of women in the North Caucasus: (Report on the results of the study)], available from <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya> (accessed 22.01.2019).
- Lei, L., South, S. (2016) Racial and ethnic differences in leaving and returning to the parental home, *Demographic Research*, vol. 34, pp. 109—142.
- Makhmudova, M. M., Koroleva, A. M., Makhmudova, D. M. (2019) Pokhishchenie nevesty — obychai ili vyzov vremeni [Bride abduction — custom or challenge of the times], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 121—132.
- Malcarne, V. L., Drahota, A., Hamilton, N. A. (2005) Children's health-related locus of control beliefs: ethnicity, gender, and family income, *Children's Health Care*, vol. 34, iss. 1, pp. 47—59.
- Paasi, A. (2010) Regions are social constructs, but who or what constructs them?: Agency in question, *Environment and Planning*, vol. 42, iss. 10, pp. 2296—2301.
- Paasi, A. (2011) The region, identity, and power, *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, vol. 14, pp. 9—16.
- Pei, Y., Cong, Z. (2019) Intergenerational ambivalence among Mexican American families, *Journal of Family Studies*, vol. 25, iss. 3, pp. 305—318.
- Pliev, A. A., Babich, I. L. (2019) Zhenshchina kak ob'ekt i sub'ekt v traditsionnoi brachno-pravovoi kul'ture chechentsev i ingusheĭ (1870—1970-e gg.) [Woman as an object and subject in the traditional marriage and legal culture of Chechens and Ingush (1870—1970s)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 113—125.
- Qian, Z., Lichter, D. T. (2011) Changing patterns of interracial marriage in a multiracial society, *Journal of Marriage and Family*, vol. 73, iss. 5, pp. 1065—1084.
- Sarkisian, N., Gerena, M., Gerstel, N. (2007) Extended family integration among Euro and Mexican Americans: ethnicity, gender, and class, *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, iss. 1, pp. 40—54.
- Shaozheva, N. A. (2012) K voprosu o sotsiodinamike traditsionnykh gendernykh stereotipov u narodov Severnogo Kavkaza [On the sociodynamics of traditional gender stereotypes among the peoples of the North Caucasus], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 10, pt. 2, pp. 218—220.
- Shoranova, Z. V. (2010) *Gendernoe ravenstvo v kul'turno-istoricheskom razvitii narodov Severnogo Kavkaza: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Gender equality in the cultural and historical development of the peoples of the North Caucasus: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Nalchik.

- Sirazhudinova, S. V. (2012) *Grazhdanskoe obshchestvo, traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus], Rostov-on-Don: AzovPechat'.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in the republics of the North Caucasus: current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—19.
- Sirazhudinova, S. V. (2017) “Ya ne mogu skazat'!”: k probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [“I can't say!”: on the problem of domestic and sexual violence in the republics of the North Caucasus: (Based on a case study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.
- Starodubrovskaia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetiskii period i ego sotsial'nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its social consequences], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Tykova, A. A. (2016) *Ėvoliutsiia sotsial'nogo statusa zhenshchin v obshchestve: gendernyi podkhod* [Evolution of the social status of women in society: gender approach], Maykop: Maikopskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet.
- Vereshchagina, A. V. (2014) Mezhĕtnicheskaia sem'ia na Severnom Kavkaze v usloviakh novoĭ rossiiskoi tsivilizatsionnoi real'nosti [Interethnic family in the North Caucasus in the context of a new Russian civilizational reality], *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 47—59.
- Warren, T. (2006) Moving beyond the gender wealth gap: on gender, class, ethnicity, and wealth inequalities in the United Kingdom, *Feminist Economics*, vol. 12, iss. 1—2, pp. 195—219.
- Westlake, D. (2018) Multiculturalism, political parties, and the conflicting pressures of ethnic minorities and far-right parties, *Party Politics*, vol. 24, iss. 4, pp. 421—433.
- Zagirova, E. M. (2017) Traditsii i innovatsii v institutsional'nom prostranstve dagestanskoi sem'i [Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family], *Izvestiia Saratovskogo universiteta, seriia Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 17, no. 3, pp. 298—303.
- Zontini, E. (2010) Enabling and constraining aspects of social capital in migrant families: ethnicity, gender and generation, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 33, iss. 5, pp. 816—831.

Статья поступила 15.02.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Клименко Людмила Владиславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры бизнеса в сфере гостеприимства, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Business in the Field of Hospitality, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation).